

Т. И. Синкевич

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
УДК 83'373'2:821.161.2

ПАРИЖ И ВИТЕБСК МАРКА ШАГАЛА

Ключевые слова: историко-культурное наследие, авангардное искусство, аллюзия, национальные черты, ономастическое пространство, многоплановость искусства, традиции.

В статье предпринята попытка проанализировать связь двух городов, сыгравших важную роль в жизни и творчестве великого художника. В качестве материала привлечены стихи, воспоминания, названия картин, исторические факты, то есть все то, что дает возможность более полно представить личность художника и оценить его творчество сквозь призму этих двух городов.

T. I. Sinkevich

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

PARIS AND VITEBSK OF MARC CHAGALL

Key words: historical and cultural heritage, avant-garde art, allusion, national features, onomastic space, multidimensionality of art, traditions.

The article attempts to analyze the connection between two cities that played an important role in the life and work of the great artist. The material includes poems, memoirs, titles of paintings, historical facts, that is, everything that makes it possible to more fully imagine the artist's personality and evaluate his work through the prism of these two cities.

Причудливые костюмы прохожих, обшарпанные фасады домов, эффектные конные экипажи, резные деревянные ставенки с потрескавшейся краской... Таким был Париж начала XX века на фотографиях Жюль Жерве-Куртельмона.

И вот в августе 1910 года у молодого художника появилась возможность отправиться на учебу в Париж. По воспоминаниям М. Шагала, побудил его ехать во французскую столицу Лев Бакст, который привил своему ученику интерес к современному европейскому искусству. В первый год жизни в Париже Шагал снимал студию у художника Эренбурга на Монпарнасе. Он посещал различные классы в свободных художественных академиях, пропадал на выставках, в салонах и галереях, впитывая искусство великих мастеров – Делакруа, Курбе, Сезанна, Гогена, Ван Гога и многих других. В 1912 году Шагал переехал в «Улей» – здание, ставшее своеобразным арт-центром и приютом для бедных иностранных

художников. Здесь Шагал познакомился с многими представителями парижской богемы, освоил приемы новых веяний в изобразительном искусстве – кубизма, футуризма, орфизма, перекраивая их на свой лад; здесь сделал первые действительные успехи, создав картины «Скрипач», «Посвящение моей невесте», «Голгофа», «Вид Парижа из окна».

Несмотря на полное погружение в парижскую художественную среду, он не забывал и родной Витебск. Его картины «Понюшка табаку», «Продавец скота», «Я и деревня» пронизаны ностальгией и любовью к городу его детства. Родной город стал источником, из которого он долгие годы черпал вдохновение и силы, местом, где, по его собственным словам, Шагал «обрел краску своего искусства».

В предреволюционный период им были созданы портреты «Зеленый еврей», «Красный еврей», «Молящийся еврей»; картины из цикла «Любовники», среди которых «Голубые любовники», «Зеленые любовники», «Розовые любовники» и другие. В это же время Шагал начал писать автобиографическую книгу «Моя жизнь».

Еврейские традиции имели огромное значение для художника, он очень трепетно относился к семье, близким, родным местам. Образы влюбленного художника и его музы-возлюбленной в подвенечном платье парят над Витебском, Парижем («Влюбленные над Витебском» (1918), «Прогулка» (1917)); а возле них – козы со скрипками, ангелы, цветы, зарисовки Витебска и пейзажи Парижа – все это отсылает нас к мистическому прочтению Песни Песней. В соответствии с еврейскими традициями и прочтением Песни Песней, Жених (царь Соломон) – символ Мужского начала в Боге, а невеста воплощает собой Женское начало. Эти два начала были разлучены (одни считают, что это произошло в день грехопадения, другие – после падения Иерусалимского Храма и изгнания евреев со Святой земли), об этом знал М.Шагал, а потому увековечил в божественном единении свой образ и образ Беллы как образ физической и духовной близости, дающей начало новой жизни. А жизнь... она была разной.

В родном городе в 1918 году он организовал Народное художественное училище, где преподавали известные художники: Мстислав Добужинский, Иван Пуни, Ксения Богуславская, Вера Ермолаева, Эль Лисицкий, Казимир Малевич. Но, к сожалению, увлеченные новыми идеями супрематизма Казимира Малевича, ученики начали выступать против Шагала, который не верил в коллективистские начала живописи и был убежден, что искусство – индивидуальное творчество художника, его собственное видение мира, а история живописи – это история живописцев. В результате Марка Шагала уволили с должности директора училища. В 1920 году он с семьей покинул Витебск и переехал в Москву. В последний период на родине художником были написаны полотна «Над городом», «Венчание», «Прогулка» и другие работы.

До 1922 г. жил в России, а в 1922 г. навсегда уехал в Париж. Во время Второй мировой войны уехал в США, после окончания войны вернулся в Париж, но больше никогда не был в Витебске, хотя родной город всегда жил в его сердце.

Представление о том, каким был старый Витебск в начале XX в., можно получить, прочитав автобиографическую повесть С. Я. Маршака «В начале жизни»: *«Почти полгода после отъезда нашего из Воронежа прожили мы у бабушки и дедушки в городе Витебске... Я был слишком мал, чтобы по-настоящему заметить разницу между Воронежем... и этим еще незнакомым городом... Но все-таки с первых же дней я почувствовал, что все здесь какое-то другое, особенное: большие старые домов, много узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных переулков. Кое-где высятся старинные башни и церкви. В каждом закоулке ютятся жалкие лавчонки и убогие, полутемные мастерские жестянщиков. Лудильщиков, портных, сапожников, шорников. И всюду слышится торопливая и в то же время невучая еврейская речь, которой на воронежских улицах мы почти никогда не слыхали»* [1, с. 27].

В то время в городе над Двиной (по данным переписи населения Российской империи, а данные собирали по религиозному и сословному составу населения, язык не всегда учитывался) насчитывалось 65,9 тыс. жителей, а по национальному признаку распределение населения было таковым: 50,8% - евреи, русские - 28,9%, белорусы - 12,2%, поляки - 5%, латыши, литовцы, немцы, украинцы - по 0,1% и др. национальности - 0,2%. По переписи 1926 г., в Витебске уже было почти 99 тыс. человек, а еврейское население составляло почти 53% [3, с. 231].

Неудивительно, что город и горожане (часто родные и близкие художника) навсегда запечатлены на его полотнах. Например, на картине «Скрипач» (1912-1913 гг.) изображен скрипач, танцующий на крыше. Это дядя М. Шагала, он забрался туда, чтобы спокойно попить киселя, уйти от суеты, поразмышлять. А размышлять было о чем, ведь скрипач был рядом в самые важные моменты жизни человека: он присутствовал при рождении и смерти.

Марк Шагал в своей книге «Моя жизнь» писал: *«Я всегда помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой Вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы. Это, может быть, и недостаток, но отнюдь не с моей точки зрения»* [2, с. 656].

Собственно и сами названия картин мастера говорят о его любви к родному городу, семье: «Вид из окна в Витебске» (1908), «Рождение ребенка» (1911), «Витебский проповедник» (1914), «Улица» (1914), «Над городом» (1914-1918), «Купание ребенка» (1916), «Прогулка» (1917-1918), «Часы с синим крылом» (1949) и др. В Париже, в Нью-Йорке, в Сен-Поль де Ванс родная земля, отчий дом цвели на его холстах. Эйфелева башня у него стоит на курьих ножках, подобно видениям его родной земли,

как в сказках бабушки Бешевы. Париж он называл своим вторым Витебском. Р.Рождественский, побывав у него в Париже, напишет об этом так: «...он тянется к Витебску, словно растение...»; «...тот Витебск его – пропыленный и жаркий – приколот к земле каланчою пожарной»; «...там свадьбы и смерти, моления и ярмарки»; «...там зреют особенно крупные яблоки, и сонный извозчик по площади катит», мир мастера базируется не только на его таланте художника, но и на бедности, нищете, эмиграции, оторванности от родных и дорогих сердцу мест и людей, на боли, грусти и одиночестве. В одном из своих писем мастер писал: «...когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий», а слово *Paris*, написанное по-французски так выбивается из всего того, о чем будет сказано в письме по-русски [3].

В своих стихах чуть позже М.Шагал напишет:

*Я – из Витебска, где сквозь тлен
Старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его [2, с. 21].*

В стихотворении чувствуется скорбь, одиночество и боль, адресованная не только учителю, но и самому себе. И. Пэн дал М. Шагалу путевку в жизнь, и он будет помнить об этом всегда, несмотря на разногласия и недопонимание.

Многие детали его стихотворений перекликаются с фрагментами его картин: «Во мне грустят кривые улочки, надгробья серые – на склоне, где лежат в горе благочестивые евреи» (речь идет о Старосеменовском кладбище, что на Юрьевой горке, там покоится прах его учителя – И. Пена).

Художник часто вспоминал своего учителя, детство. В стихотворении «Ангел над крышами» он пишет: «Ты помнишь меня, мой город, мальчишку, ветром надутый ворот... Река их памяти испей-ка и вспомни вновь юнца, того, что на твоих сидел скамейках и ждал призванья своего» [2, с. 81].

В его творчестве есть трогательная поэтичность, наивность и ностальгия по тихой провинциальной жизни родного города, в картинах и стихах переплелись библейские легенды, фольклорные образы, персонажи цирка, люди и предметы. В конечном итоге все это и есть человеческая жизнь...

Когда-то А. Вознесенский написал стихотворение «Васильки Шагала», где есть такие строки: «Их витражей голубые зазубрины – с чисто готической тягою вверх. Поле любимое, но небо возлюблено. Небом единым жив человек» и дальше: «В небе коровы парят и ундины. Зонтик раскройте, идя на проспект. Родины разны, но небо едино. Небом единым жив человек». Став признанным мастером, получив награды, объехав полмира, он всегда возвращался (мысленно!) в свой город,

на кривую улочку, до боли знакомую, на самую мягкую и лучшую в мире мамину постель, возвращался к родной земле своих предков.

Своеобразным манифестом любви к Витебску стало его обращение «К моему городу Витебску», опубликованное 15 февраля 1944г. в Нью-Йорке в газете «Единство»: *«Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все годы твое дыхание на моих картинах. И так с тобой беседовал и, как во сне, тебя видел... .. Лучшее, что я могу пожелать себе – чтобы ты сказал, что я был и остался верен тебе. А иначе бы я не был художником!»* [2, с. 654].

О творчестве М. Шагала написаны сотни книг и научных исследований, но мир, выраженный в его картинах, остается загадкой. Прыгающие козы, скрипачи на крыше, церкви и синагоги Витебска, летящие над городом возлюбленные и т.п. – все это не просто необычно, но и несколько странно, но это его видение реального мира. Его картины полны алогичности иррационализма, но вместе с тем и любви к родному городу и его обитателям, любви, которую он пронес через всю свою жизнь.

Картины, письма, стихи – везде мы чувствуем присутствие художника, вместе с ним любим и ненавидим, веселимся и печалимся, но везде и во всем его особый почерк, его жизнь и судьба.

Литература

1. Маршак, С. Я. В начале жизни (Страницы воспоминаний). Собр. соч. в 8 т. Т. 6. / С. Я. Маршак. – М.: Художественная литература, 1971. – 365 с.
2. Шагал, М. Моя жизнь / М. Шагал. – М., 1994. – 658 с.
3. Витебск: Энциклопедический справочник / Гл. редактор И. П. Шамякин. – Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
4. Ракитин, В. И. Марк Шагал. 1887–1985 / В. И. Ракитин. – М.: Искусство, 1999. – 326 с.

Т. П. Слесарева

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
УДК 81'37:82-026.613.02

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КОЛОРАТИВА «БЕЛЫЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: колоратив, фольклор, цветообозначение, цветовая символика, художественный дискурс.

В статье рассматриваются семантические свойства колоратива «белый», которые реализуются в художественном дискурсе. На конкретных примерах, взятых из фольклорных, поэтических